

И.В. Петровицкая, старший преподаватель кафедры истории русской журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: kether2@ya.ru

ПЕРЕПИСКА ЛЬВА ТОЛСТОГО С ПИСАТЕЛЯМИ, ЖУРНАЛИСТАМИ, ИЗДАТЕЛЯМИ

Автор исследует переписку Л. Толстого с русскими и иностранными журналистами, помогающую уяснить его взгляд на задачи журналистики. Рассмотрена особая форма эпистолярного диалога писателя и его корреспондентов, в котором обсуждались общественные, философские, эстетические вопросы. Автором изучается многоаспектная проблема: Лев Толстой и литературный процесс, журналистика его эпохи.

Ключевые слова: Лев Толстой, переписка, литературный процесс, журналистика.

Author investigates Leo Tolstoy's correspondence with russian and foreign journalists. The aim of this correspondence was to find out objectives and goals of journalism. A special form of epistolary dialogue of Leo Tolstoy and his correspondents was reviewed. In this dialogue careful consideration was given to the social, philosophical and aesthetic issues. Author made a close study of such a multidimensional subject as: Leo Tolstoy and literary process, journalism of his epoch.

Key words: Leo Tolstoy, correspondence, literary process, journalism.

Когда в литературе есть Толстой, то легко и приятно быть литератором... Его деятельность служит оправданием тех упований и чаяний, какие на литературу возлагаются... Пока он жив, дурные вкусы в литературе, всякое пошлячество, озлобленные самолюбия будут далеко в тени.

А.П. Чехов

Переписка Льва Толстого со своими современниками — журналистами, писателями и издателями — наименее изученная часть его огромного эпистолярного наследия, насчитывающего свыше 50 тысяч писем русских и зарубежных корреспондентов. В ней затронуты наиболее острые общественные, религиозно-нравственные вопросы эпохи. Среди многочисленных корреспондентов Льва Толстого — известные писатели, ученые и общественные деятели, журналисты, приезжавшие к писателю, чтобы срочно дать в номер материалы об отношении Толстого к общественно-литературным событиям.

Переписка Толстого содержит богатый и разнообразный фактический материал, необходимый при изучении русской и зарубежной печати. В письмах обсуждался широкий круг проблем: журнально-литературные новости, повседневный круг чтения; вопросы, свя-

занные с планами публикации статей в том или ином издании, попытками обойти цензурные запреты, оценкой общего направления газет, рубрик и отдельных материалов.

Многие письма писателя вместе с ответными письмами его корреспондентов — журналистов, представляют собой особую форму эпистолярного диалога, в котором обсуждались многие общественно-политические, философские нравственно-религиозные, литературно-эстетические и журнальные темы.

Переписка Толстого с русскими журналистами продолжалась более полувека и особенно интенсивно велась в 1880—1900-е годы. Начало ее относится к 1852 году, времени литературного дебюта Толстого в «Современнике»; редактор журнала Н.А. Некрасов стал первым корреспондентом писателя. Последние письма Толстого, за несколько дней до трагического ухода из Ясной Поляны в конце октября 1910 года, адресованы в редакции газет: «Русские ведомости» Д. Анучину и «Голос студенчества», дав согласие на публикацию своей «переписки со студентами двух университетов» (82: 212)¹.

В архиве писателя хранятся письма известных писателей, ученых и общественных деятелей, издателей, русских и иностранных журналистов, корреспондентов ведущих и малоизвестных периодических изданий; и давних знакомых, с которыми сложились дружеские отношения, и впервые обратившихся к Толстому. Его собеседниками были А.П. Чехов, М. Горький, Н.С. Лесков, В.Г. Короленко, Н.Н. Страхов, А.С. Суворин, В.М. Соболевский, М.М. Стасюлевич, Л.Е. Оболенский, В.А. Гольцев, Н.Я. Грот, В.Г. Чертков, А.М. Амфитеатов, Л.Я. Гуревич, В.С. Миролюбов, В.А. Поссе.

Переписка Толстого с русскими и иностранными журналистами помогает изучить публицистическое мастерство писателя, осмыслить его взгляд на журналистику, ее нравственно-этические ценности, на роль общественного мнения, которому он придавал огромное значение.

На рубеже веков Толстой занимал особое положение в литературе и журналистике. Приводя свидетельства его всемирной славы, обозреватель журнала «Вестник Европы» утверждал, что произведения Толстого расходятся огромными тиражами и за границей, что там он даже «чуть ли не в три раза популярнее, чем в самой России», потому что во всем мире «безвозбранно печатаются все его произведения»².

Корреспонденты русских и иностранных газет осаждали писателя просьбами высказаться по различным вопросам. Публикация

¹ Голос студенчества. 1910. 4 ноября. № 8. См. также: *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. (Юбилейное издание): В 90 т. М.; Л., 1928—1958 (в круглых скобках первая цифра обозначает номер тома, вторая — номер страницы или письма).

² Вестник Европы. 1903. № 8.

новой статьи Толстого вносилась в летопись важнейших событий с указанием на счастливый журнал, в который он отдал свое произведение. Многие журналисты, стремясь опубликовать его произведения на страницах своих изданий, обращались к писателю с просьбами о сотрудничестве. Таким образом переписка Толстого с журналистами дает возможность узнать об отношении писателя к различным направлениям общественно-политической жизни, об истории печатания его произведений, о его участии в периодических изданиях рубежа веков.

Немаловажное значение для историков русской прессы имеет и тот факт, что журналисты в письмах к Толстому четко формулировали программу своего издания, раскрывали отношения с цензурой, характеризовали свою читательскую аудиторию, сообщали данные о тираже издания.

Переписка Толстого показывает, что он был взыскательным читателем прессы. В письмах журналистам он часто высказывал свое мнение о различных изданиях, литературной критике, читателях, зачастую сообщал о том, какие он читает газеты и журналы. Он постоянно следил за современной русской и иностранной периодикой, творчески использовал материалы газет и журналов в своем художественном творчестве и публицистике.

Почти все посетившие Толстого журналисты отмечали, что писатель часто ссылался на газетные сообщения. Даже за несколько дней до кончины, на станции в Астапово, Толстой просил почитать ему что-нибудь «политическое»: «...послушал некоторые статьи из газеты “Русское слово”, попросил “Голос Москвы” ... но под рукой не оказалось, ему читали вслух “Русские ведомости”. Статью о тройном самоубийстве просил вырезать и положить ему в дневник...»³

Переписка с журналистами позволяет уточнить, с каким кругом газет и журналов писатель был знаком. Учитывая, что многие журналисты присылали Толстому газеты и журналы со своими публикациями, газетные вырезки, читатели ссылались на сведения, полученные из прессы, пересказывали газетные сообщения, то можно утверждать, что Толстой был в центре общественно-журнальной жизни.

В 1880—1890-е годы Толстому были особенно близки журналы «Русское богатство» Л. Оболенского, «Книжки Недели» П. Гайдебурова; он сотрудничал в газете «Русские ведомости» В.М. Соболевского, журнале «Северный вестник» Л.Я. Гуревич и А. Волынского, «Вопросы философии и психологии» Н.Я. Грота, печатал свои произведения и открытые письма в «Новом времени», журналах «Вестник Европы» и «Русская мысль»; в 1900-е годы — в журнале

³ *Маковицкий Д.П.* Яснополянские записки. Кн. 4. М., 1979. С. 423.

«Образование» А.Я. Острогорского, «Журнале для всех» В.М. Миролюбова.

В письме Л. Оболенскому (1845—1906) Толстой в конце 1886 года высказал свое мнение о близком ему по направлению журнале: «Я за вас, за ваш журнал и вашу работу всегда радуюсь. Не знаю, много ли у вас подписчиков (много ли?), но я не встречал за это последнее время ни одного живого молодого человека, который бы не питался, хотя отчасти, умственно “Русским богатством”. Мне кажется, что “Русское богатство” теперь единственный журнал, воздействующий на общество. Его статьи вызывают работу мысли, статьи эти ждут, о них говорят, и они составляют событие в некотором кругу людей». Особенное внимание писателя — к читателям журнала: «учители, фельдшерицы, студенты, курсистки читают для того, чтобы найти направление, и разрезают листы в надежде найти ответы на волнующие их вопросы. Их мало, это люди все молодые и незаметные, но они-то те люди, в которых брезжится или светится настоящий свет и их будет много, и они будут 40-летние заметные».

Далее Толстой развивает звучащую и в других его письмах очень важную мысль об ответственности журналиста: «Меня так на вашем месте ужасала бы та ответственность, которая лежит на вас, чтобы не отдать ответа за слово праздно. Я же буду всегда помогать вам по мере сил». О разногласиях с редактором журнала Толстой предпочитает не говорить, но замечает, что «для указания пути видим впереди одно и то же...» (62, 109).

В конце 1870-х годов Толстой «вступил в корреспонденцию» и долгие годы ее поддерживал с редакторами-издателями журнала «Вестник Европы» А.Н. Пыпиным (1833—1904) и М.М. Стасюлевичем (1826—1911). Началом переписки послужили переговоры об издании в типографии М. Стасюлевича IX тома «Русской библиотеки», посвященного великому писателю⁴.

Переписка Толстого с М.М. Стасюлевичем содержит также ценные замечания, связанные с издательским делом. Журналист, «всеми признанный человеком редкой корректности, истинным джентльменом пера», всецело входил во все детали издания: «ни одна строчка, ни один знак препинания не проходили в журнале без его тщательной проверки»⁵. Корректорская работа была хорошо налажена: в книге объемом в 10 печатных листов Н.Н. Страхов обнаружил всего лишь одну досадную опечатку. В письме к Толстому в 1880 г. по поводу успешного начала четвертого издания

⁴ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. М.К. Лемке. Т. IV. СПб., 1912.

⁵ Там же. С. IX; также см.: *Кельнер В.Е.* Человек своего времени: М.М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция. СПб., 1993.

«Сочинений» писателя московской фирмой братьев Салаевых издатель поделился своим опытом: «Боюсь только за опечатки и жалею, что не дал Вам мысли обеспечить себя против этого невыносимого зла контрактом, а именно, сохранив за собою право требовать, после известной нормы, перепечатки отдельных страниц на счет издателя. Хорошая корректура нетрудна, но дорога — вот почему издатели затрудняются ею: можно издержать на корректуру 200 рублей и получить 200 опечаток,.. Опечатки, как и брань, на воротах не виснут, — а в кармане сохранится рублей 500—600. А при том условии такая экономия невозможна, так как перепечатка отдельных страниц обойдется дороже экономии от худой и дешевой корректуры»⁶.

Особое место занимает переписка Толстого с Н.Н. Страховым⁷. Литературный критик, философ, заведующий юридическим отделением Публичной библиотеки, давний друг и помощник Толстого зачастую был посредником между писателем и издателями. Ему часто он давал поручение «взять на себя все дело и снять с него все хлопоты по изданию», доверял вести переговоры об издании, держать корректуры. Так, в 1890-е годы для журнала «Северный вестник» Страхов держит «двукратное чтение» корректуры повести «Хозяин и работник», в результате чего «все теперь исправно до последнего слова и последней запятой. Я надеюсь, что своими знаками препинания я превзойду Ваших московских корректоров»⁸. Кроме взглядов на издательскую и редакторскую практику из переписки этих лет узнаем много важных подробностей работы писателя над исправлением рукописи, о том, как «удивительно добавляет и удивительно вычеркивает» Толстой.

Однако сотрудничество писателя в «Северном вестнике» сопровождалось некоторыми трудностями. Он просит у Страхова помощи в деликатном разрешении конфликта между С.А. Толстой и издательницей журнала Л.Я. Гуревич, в результате которого повесть «Хозяин и работник» появилась одновременно в трех изданиях. На что корреспондент Толстого иронично заметил: «Видите, как хлопотно Ваше решение уйти с обыкновенного пути»⁹, имея в виду отказ писателя от авторских прав на сочинения, написанные после 1881 года.

Кроме того, в письмах Страхов незамедлительно уведомлял Толстого о текущих литературно-журнальных новостях: полемике с Вл. Соловьевым, чтении в «Вестнике Европы» статьи С. Трубец-

⁶ Отдел рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого (Москва).

⁷ Л.Н. Толстой и С.А. Толстая. Переписка с Н.Н. Страховым. 1894—1896. Канада, 2000.

⁸ Там же. С. 90.

⁹ Там же. С. 86.

кого «Противоречия нашей культуры». В одном из писем он приводит поразительный факт: публицист «Московских ведомостей» Ю.Н. Говоруха-Отрок «восхищен» статьей писателя о Мопассане в «Северном вестнике» и, главное, что он «пленен» Толстым, что «он с Львом Николаевичем разговаривал»¹⁰. О встрече писателя с критиком охранительной газеты, ведущей добровольный сыск за Толстым, других сведений нет, да и трудно себе представить эту беседу.

В письмах звучат оценки литературно-критических работ современников. Обмениваются мнением, в частности о журнале «Вопросы философии и психологии»: о сентябрьском номере журнала 1895 года Толстой отозвался невысоко: «Как все учено, умно и как все пусто», и здесь же, в приписке, добавил: «А уж о журналах и говорить нечего — там все пусто и еще нахально и лживо».

Страхов сообщает писателю о цензурном «семидневии для книги», об административных циркулярах. Толстой делится с ним историей запрещения в России журнала «Эсперанто», издававшегося в Нюрнберге (1889—1895), за помещение на своих страницах «невинных» толстовских статей об отношении разума и веры. Он просит похлопотать о разрешении издания: «Я обязуюсь ничего не печатать у него и не принимать никакого участия», чтобы не разорить издателя.

С уверенностью можно сказать, что переписка Толстого со Страховым содержит много новых деталей, необходимых для понимания литературно-журнального процесса конца XIX века.

«Лихорадка с корректурами» в истории печатания романа Толстого «Война и мир» общеизвестна: она легла на плечи издателя журнала «Русский архив» П. Бартенева (1829—1912). Их дружеская переписка продолжалась на протяжении всей жизни, хотя Бартнев резко отрицательно относился к религиозным исканиям писателя.

Сохранилась обильная переписка с издателями журнала «Нива», на страницах которого увидел свет роман «Воскресение». В 1900-е годы складываются деловые отношения с редактором журнала «Образование» А.Я. Острогорским. Он неоднократно бывал у писателя, присылал ему свой журнал, публиковал рекомендуемые Толстым произведения, хотя их сотрудничеству препятствовала цензура — все это нашло отражение в их переписке.

В отделе рукописей Музея Л.Н. Толстого сохранилось множество писем, в которых журналисты обращались к писателю с просьбой высказать свое мнение об их издании, дать совет, литературную рекомендацию, поддержать своим авторитетом и, конечно, с просьбой о сотрудничестве.

Настойчиво, в течение шести лет, с 1898 по 1903 год, уговаривал Толстого «оказать хоть малейшую поддержку журналу» — прислать

¹⁰ Там же. С. 60.

рассказ, статью по вопросам нравственности, сказать «свое слово по поводу войны с Китаем», дать рецензию на новый рассказ Л. Андреева — редактор «Журнала для всех» В.С. Миролюбов [Петровицкая, 1998]. Обращается к писателю с просьбой написать для «зарождающегося журнала» несколько слов, которые могли бы служить для него «руководителем и поддержкой» редактор научно-популярного журнала С. Белиц-Гейман, прилагая к письму программу своего журнала. Редактор московского журнала «Шахматное обозрение» П. Бобров просит писателя дать в журнал «несколько мыслей об играх вообще и о шахматах в частности», высылая номера журнала за 1900 и 1902 годы. Высказать свое мнение об их журналах просят издатель «Семейного университета» Ф. Комарский и редактор иллюстрированного еженедельника «Наборщик» А. Филиппов. Просит о сотрудничестве в новом журнале «Женское дело» издательница детского журнала «Игрушечка» А.Н. Толиверова-Пешкова, редактор журнала «Научное обозрение» М.М. Филиппов и редакция одесского журнала «Вопросы общественной жизни»¹¹.

Несомненный интерес представляет и переписка Толстого с А.П. Чеховым, М.О. Меньшиковым и А.С. Сувориным, которому принадлежит известное высказывание о влиянии Толстого на русское общество: «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой несомненно колеблет трон Николая II». В заметке «Самый свободный» Суворин отметил, что «Лев Толстой — это первый и единственный русский писатель, который раньше всех испытал полную свободу на русской земле... Он был исключением из общего правила»¹².

Переписка Толстого с журналистами показывает, что Толстой стремился использовать любую газетно-журнальную трибуну, пытаясь провести через цензуру свои произведения и близких ему по духу авторов. Яркой иллюстрацией этого служит история публикации статьи Т.М. Бондарева «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца» с предисловием писателя. Толстой «очень, очень» просит Л.Е. Оболенского издать ее в журнале «Русское богатство», сделать ей «хорошее объяснение» и пропустить ее «в цензуре» (85: 322). Но уже набранную статью запретила цензура. Писатель сделал новую попытку: напечатать ее в журнале «Русская старина», признаваясь: «...очень уж меня пробрал Бондарев». Писатель написал редактору журнала М.И. Семевскому: «Рукопись Бондарева очень стоит того, чтобы быть напечатанной. И вы сделаете доброе

¹¹ Там же.

¹² Новое время. 1910. № 314.

дело, издав ее» (64: 137). Однако и здесь предисловие Толстого и статья Бондарева были запрещены. Лишь в феврале 1888 года публикация состоялась, хоть и в сокращенном виде в еженедельнике «Русское дело» С.Ф. Шарапова (1888. № 13). Правда, предисловие Толстого редактор газеты, по своему обыкновению, сопроводил обширной полемической статьей (позже он включил ее в собрание своих сочинений), что не спасло от цензурной кары: по распоряжению министра внутренних дел газета получила второе предостережение.

Толстой критически относился к легальной русской прессе, не дававшей возможности оперативно, быстро откликнуться на стремительно развивающиеся события начала XX столетия. «А писание подцензурное, либеральное — одно из самых вредных писаний...» — утверждал писатель. Газеты, по его мнению, лишь «одуряют» сознание читателя, затемняют мысль там, «где все ясно и просто». Отчетливо эта мысль Толстого прозвучала в открытом письме к А.М. Калмыковой («Письмо либералам». 1896): «...в печати они намекали на то, что позволено было намекать, молчали о том, о чем было велено молчать».

Подцензурная русская пресса вызывала скептическое отношение автора публицистического манифеста «Не могу молчать». В нем Толстой прямо заявлял: «Затем я и пишу это и буду всеми силами распространять то, что пишу, и в России и вне ее, чтобы одно из двух: или кончились эти нечеловеческие дела, или уничтожилась бы моя связь с этими делами...» Не случайно именно на эту статью писателя откликнулся в «Новом времени» (1908. № 11614, 13 июля) М.О. Меньшиков критическим выпадом «Толстой как журналист».

В письме к А.В. Амфитеатрову в 1904 году Толстой прямо заявляет: «Всякая борьба, как прессы, не только русской, но и заграничной, так же как и революционеров, с существующим, царствующим злом бессильна. Это только срезать побеги, бурьян разрастается хуже. Надо под корень вывернуть...» (75: 140).

Широко известно критическое высказывание Толстого о журналистской деятельности, записанное им в дневнике после прочтения в апрельской книжке 1895 года журнала «Вестник Европы»: «Есть сердечная духовная работа, облеченная в мысли. Эта — настоящая. И есть работа мысли без сердца, а с чучелой вместо сердца, — это то, чем полны журналы и книги» (54: 207).

Редактор иркутской газеты «Восточное обозрение» И.И. Попов привел удивившее его суждение писателя о прессе. Выразив недовольство русскими газетами, писатель, по его мнению, «высказал такой парадокс: газетная и журнальная деятельность в настоящее

время ничего кроме вреда приносить не может, потому что в этой сфере компромиссы чрезвычайно часты и неизбежны»¹³.

Поражает прямое обращение Толстого к журналистами в статье 1904 года «Одумайтесь!» (позже выпущенное из текста): «Одумайтесь вы, многоречивые и лживые писаки-журналисты. Если Вам нужны рубли, которые вы добываете своею ложью и возбуждением вражды между людьми, то лучше идите грабить на большую дорогу: вы, убивая богатых и отнимая у них деньги, будете менее преступны, чем теперь, сидя дома и возбуждая вашими гадкими речами людей к вражде и всякого рода злодействам».

Толстой даже утверждал, что предпочел бы участие в реакционно-охранительной прессе, откровенно выражающей свои взгляды. Об этом читаем в письме Толстого к П. Буланже: «Я часто думаю, что если бы мне надо было печатать и можно выбирать, я печатал бы в “Московских ведомостях” и “Московском листке”. Вносить хоть немного света в мрак читателей этих органов — доброе дело».

В дневнике Толстой записал: «Какое праздное занятие наша подцензурная литература! Все, что нужно сказать, что может быть полезно людям в области внутренней, внешней политики, экономической жизни и, главное, религиозной, все, что разумно, то не допускается. То же и в деятельности общественной. Остается забава детская...» Легальную либеральную печать писатель считает «детской забавой», особенно ее отношение к правительству. По мнению Толстого, оно «может быть двоякое: или правительство есть необходимое условие порядка, и надо подчиняться и служить ему; или признать то, что я признаю и что нельзя не признать, что правительство есть шайка разбойников, и тогда надо, кроме того, что стараться просветить этих разбойников, убедить их перестать быть разбойниками, самому выгородить себя, насколько это возможно, от участия с этими разбойникам и в пользовании их добычей. Главное, не делать то, что делают теперь либералы: признавать правительство нужным и бороться с ним». И далее: «Читаю газеты, и как будто все эти битвы, освящения штандартов так тверды, что бесполезно и восставать, и иногда думаю, что напрасно, только вызывая вражду, написал я свою статью, а посмотришь на народ, на солдаток, и жалеешь, что мало, слабо написал».

Получив в 1894 году от А.Н. Дунаева газетную вырезку о казни анархистов, Толстой написал ему: «Надо бы, чтобы <...> вопиющие противоречия и жестокости не проходили бы без протеста, надо бы выразить этот протест ясно, как умеешь, и пускать в обращение в заграничную печать...» (67: 131).

¹³ Восточное обозрение. 1903. 9 декабря. № 282.

В переписке Толстого с журналистами и издателями настойчиво звучала мысль о необходимости свободной бесцензурной трибуны, дающей возможность оперативно откликаться на современные события. Толстой активно поддерживал издание в Англии В.Г. Чертковым и П.И. Бирюковым журнала «Свободное слово» (в 1901—1905 гг. вышло 18 номеров) и «Листков свободного слова» (в 1898—1902 гг. — 25 номеров), публиковавших запрещенные в России произведения. По предложению писателя, первоначальное заглавие журнала «Жизнь» было изменено на «Свободное слово» (а он предлагал и «Свободное русское слово»). Переписка с В.Г. Чертковым с 1897 по 1910 год в полном собрании сочинения писателя занимает отдельный (88—89) том и являет собой яркую страницу в истории нелегальной русской публицистики и журналистики.

В письмах к издателям Толстой выдвигает ряд требований к ведению журнала. Во-первых, необходима точность всех сообщаемых сведений: для этого он рекомендовал надежных и осторожных корреспондентов. Также он советует добиваться, «чтобы было как можно больше разнообразия: чтобы были обличаемы и взятки, и фарисейство, и жестокость, и разврат, и деспотизм, и невежество». И непременно условием он считает стиль изложения, «чтобы излагалось все серьезным и строгим — без шуточек и брани языком, и сколько возможно более простым, без иностранных и научных выражений» (71: 357—358).

Очень важные для журналистов замечания, советы содержатся в письме Л. Толстого к В.Г. Черткову 1899 г. По поводу статей о текущих событиях — голод, студенческие волнения, положение в Финляндии — Толстой строго заметил: «Все это должно было явиться полгода тому назад. Теперь все это старо: назрели новые события. Нужно быстро и бойко, по-герценовски, по-журнальному, писать о современных событиях. А вы добросовестно исследуете их, как свойственно исследовать вечные вопросы» (88: 179).

Получив первый номер журнала «Свободная мысль», Толстой немедленно написал в редакцию письмо с тщательным подробным разбором всех материалов, оценив, как обычно, каждую статью по пятибалльной системе. «Все вопросы, занимающие общество, нужно хоть кратко освещать с нашей точки зрения», — утверждает Толстой. Он предлагает «брать газеты и те известия, которые много раз повторяются во всех» — обсуждать. Вот оценки, поставленные писателем: «“Рабочее движение” 3 (мало), Финляндия 5+» — Толстой сочувствовал протесту финнов против русификации. «“Духоборы 4, голод 5”. Заметку “Университетские волнения” писатель оценил невысоко: 3».

В это время Толстой по просьбе студентов сам писал статью о студенческих стачках в Петербургском и Московском универси-

татах, поэтому заметил: «Надо бы больше. Нынче в газетах о том, что в солдаты забирать. А перед этим было об инспекции и общении профессоров. Все как нарочно делают, чтобы раздражить....» И далее совершенно логично прозвучало решительное признание-заявление писателя: «...руки чешутся писать обо многом в форме статей» (72: № 153). Подводя итог, Толстой замечает: «Вообще очень хорошо. И есть изюминка герценовская. Так и нужно».

В письмах Толстой часто возвращался к мысли о создании журнала, международного «Посредника». В письме к австрийскому публицисту Э.Г. Шмиту от 27 марта 1895 года Толстой говорит о необходимости основать в какой-нибудь наиболее свободной европейской стране некое подобие международного «Посредника» — издание под одним названием, в одной серии, книг на четырех языках (французском, английском, немецком и русском), в которых разрабатывалась бы следующая программа: «Существующий строй жизни подлежит разрушению... Уничтожиться должен строй соревновательный и замениться должен коммунистическим; уничтожиться должен строй капиталистический и замениться социалистическим, уничтожиться должен строй милитаризма и замениться разоружением и арбитрацией; уничтожиться должен сепаратизм узкой национальности и замениться космополитизмом и всеобщим братством... Одним словом, уничтожиться должно насилие и замениться свободным и любовным единением людей» (68: 64).

В письме к редакторам французского журнала, издаваемого обществом «Молодые друзья мира», Толстой горячо поддержал их «идею международной»: «...я люблю смелостью мыслей этих юношей... Я думаю, что подобный журнал было бы полезно печатать на трех или четырех языках параллельно. Я очень хотел бы служить этому прекрасному делу» (66: 444).

Из переписки Толстого с журналистами становится также очевидно, что через всю жизнь он пронес желание издавать журнал для народа. При обсуждении этого вопроса, по воспоминаниям современников, Толстой «воспламенился мыслью, что можно опять поднять вопрос о журнале, и обещал давать статьи ежемесячно». Он даже отправился пешком через всю Москву к известному меценату К.Т. Солдатенкову просить содействия.

В декабре 1885 года, решив предложить М.Е. Салтыкову-Щедрину принять участие в «Посреднике», Толстой обратился к нему с письмом, в котором говорит о современном читателе: «С тех пор, как мы с вами пишем, читающая публика страшно изменилась, изменились и взгляды на читающую публику. Прежде самая большая и ценная публика было у журналов — тысяч 20 и из них большая часть искренних, серьезных читателей, теперь сдела-

лось то, что качество интеллигентных читателей очень понизилось — читают больше для содействия пищеварения, и зародился новый круг читателей, огромный, надо считать сотнями тысяч, чуть не миллионами».

В оживленной переписке по поводу издания дешевого народного журнала содержится много важных замечаний. Переговоры велись с М.Е. Салтыковым-Щедриным, с Н.Н. Златовратским, А.С. Пругавиным, А.М. Калмыковой, книгоиздателем В.Н. Маракуевым; программу журнала-газеты составили В.Г.Чертков, Л.Е. Оболенский, П.И. Бирюков. Толстой выразил «сочувственное отношение» к изданию и желание помогать, но предупредил, что «дело будет само гораздо ниже, гораздо, гораздо ниже того, чем вы его воображаете. Много опасностей, соблазнов тоже в таком деле» (85: 102).

В письме к сыну золотопромышленника К.М. Сибирякову Толстой благодарит за согласие обеспечить журнал и сообщает о намерении «вести один, а то и два отдела...». Признаваясь в письме П.И. Бирюкову: «Журнал очень вызывает меня к деятельности», Толстой замечает, что его «смущает» научный отдел: «Это самое трудное. Как раз выйдет пошлость. А этого надо бояться больше всего».

Выражая «сочувственное» отношение к мысли об издании народного журнала, Толстой настойчиво предупреждал, что «издание хорошего по направлению народного журнала у нас будет не изданием, а танцеванием на канате, конец которого может быть только двух родов — оба печальные — компромиссы с совестью или запрещение». «Журнал нужен такой, — продолжал писатель в письме к литератору В.М. Грибовскому, просившему совета по изданию журнала, — который просвещал бы народ, а правительство, сидящее над литературой, знает, что просвещение народное губительно для него, и очень тонко видит и знает, что просвещает... и все это запрещает, делая вид, что оно озабочено просвещением: это самый страшный обман, и надо не попадаться на него и разрушать его» (65: 192). Позже корреспондент писателя попросил разрешения напечатать это письмо: «Мысль о таком журнале возникает и теперь. Было бы желательно опубликовать ваше авторитетное мнение, высказанное 12 лет назад, но имеющее все то же значение до сих пор»¹⁴.

С перепиской писателя связано появление его многих публицистических работ. Ответное письмо писателя зачастую становилось отдельной статьей.

Письмо Л. Толстого к Р. Роллану появилось в газете «Неделя» в 1888 году под названием «О ручном труде». Статья «Неделание»

¹⁴ *Грибовский В.* Граф Л.Н. Толстой о народном журнале // Слово. 1905. № 31.

была вызвана телеграфным запросом (с оплаченным ответом): «Что ожидает человечество?» редактора журнала «Revue de revues», приславшего также газетные вырезки из французских газет с речью А. Дюма и Э. Золя. Статья «Приближение конца» была вызвана письмом голландского журналиста Вандервера, а «Религия и нравственность» — письмом редактора берлинского журнала «Für Ethische Kulture» Г. фон Гижицкого. Как ответ на письмо М.Д. Суворова появилась статья писателя «Как освободиться рабочему народу?».

Для публикации предназначались «Письмо к польской женщине», «К итальянцам». В форме обращения написаны статьи «Верьте себе» (обращение к юношеству) и «Любите друг друга» (обращение к кружку молодежи). В ответ на личное обращение написаны «Письмо к японцу», «Письмо к китайцу» (к китайскому писателю Ку-Хун-Мину). В «Письме студенту о праве», несмотря на пометку «без ответа», Толстой откликнулся на вопросы студента петербургского университета И. Крутика.

Статья «По поводу конгресса о мире. Письмо шведам» была вызвано обращением к писателю группы шведской интеллигенции в связи с созывом по инициативе Николая II мирной конференции в Гааге в мае 1899 года.

Написанное в ответ на коллективное обращение к Толстому членов Петербургского комитета грамотности В.В. Девель, Н.А. Рубакина, А.М. Калмыковой с просьбой высказаться о закрытии комитетов грамотности письмо писателя, стало известно как статья «Письмо к либералам» (1896). Письмо писателя к английскому журналисту Джону Мансону по поводу англо-американского столкновения из-за границ Венесуэлы, разрослось в статью «Патриотизм или мир?» (1896). В ней Толстой дал яркую картину состояния международных отношений, убеждал, что патриотизм, понимаемый как национализм, «желание исключительного блага своему народу», неизбежно ведет к войне: «Разбойничья работа ни на минуту не прекращается, и то здесь, то там не переставая идет маленькая война, как перестрелка в цепи, и настоящая, большая война всякую минуту может начаться» (90: 47).

Трактат Толстого «О Шекспире и о драме» (1906) был написан как ответ на просьбу Э. Кросби написать «вступительное слово» к его статье об отношении Шекспира к рабочему народу, что «обеспечило» бы ей широкое распространение в Англии (письмо 1905 года [68: 309]. Трактат так и начинается: «Статья г-на Кросби... навела меня на мысль высказать и мое, давно установившееся, мнение о произведениях Шекспира...» (35: 216).

Последняя статья писателя «Действительное средство» (1910) стала ответом на просьбу начинающего литературного критика

К.И. Чуковского присоединить свой голос к выступлению писателей и журналистов против смертной казни в газете «Речь».

Многие письма Толстого к журналистам, ставшие статьями, так и сохранили в заглавии обращение к ним. Письмо к В.А. Гольцеву «Об искусстве», «Письмо к Н.А. Александрову», редактору художественного журнала. Одна из последних статей писателя «Письмо Л.Н. Толстого к В.А. Поссе», опубликованная в «Жизни для всех» в 1910 году (№ 3), под заглавием с указанием редакции журнала {«О важности знания народами основ великих религий мира». Редактору журнала «Жизнь для всех» В.А. Поссе} так и вошла в 90 том Полного собрания сочинений Толстого.

Как показывает переписка, замыслы многих статей писателя были вызваны газетными публикациями. По переписке с Н.С. Лесковым в начале 1890-х годов можно проследить, как появился знаменитый толстовский цикл статей о голоде, в котором поставлен «страшный вопрос»: есть ли в России голод? В это время писатель опубликовал открытые письма в редакции газет «Русские ведомости», «Новое время», «Неделя», принял деятельное участие в помощи голодающим крестьянам, в течение нескольких лет печатал отчеты о пожертвованиях на страницах «Русских ведомостей».

Статью «Не убий» Толстой начал сразу после газетных сообщений об убийстве итальянского короля Гумберта I анархистом Гаэтано Бресси 17 июля 1900 года. Нашумевшая статья «Праздник просвещения 12 января» появилась сразу после прочтения писателем 9 января 1889 года в «Русских ведомостях» объявления (текст которого писатель включил в статью) о предстоящем товарищеском обеде бывших воспитанников Московского университета в день его основания 12 января (25 января по новому стилю). Статья была написана за один день, и Толстой сразу сам отнес ее В. Гольцеву в редакцию газеты для опубликования.

Знаменитая статья «Не могу молчать», задуманная как воззвание к русскому и мировому общественному мнению, была вызвана потрясением писателя от ежедневных газетных сообщений о смертных казнях, «столыпинских галстуках». «И это в каждой газете. И это продолжается не неделю, не месяц, не год, а годы... Беру нынешнюю газету», так, с прямыми ссылками на газетные источники, начинает статью Толстой. «В газете стоят короткие слова», — и писатель, предваряя разговор о взволновавшем его событии, приводит газетную заметку из «Русских ведомостей» от 10 мая и «Руси» от 11 мая 1908 года о повешении крестьян «за разбойное нападение на усадьбу землевладельца».

Поводом для написания резко обличительной статьи «Христианство и патриотизм» послужила шумная квазипатриотическая кампания в связи с заключением военного франко-русского союза

1893 года. Торжества по случаю прибытия русской эскадры в Тулон вызвали в газетах поток приветственных телеграмм; Толстой в статье приводит текст одной из них — студентов Московского университета. Суворин и редактор газеты «Свет» Комаров во время празднеств в Париже выступали как «делегаты русской печати»; там был и редактор «Недели» П. Гайдебуров, которого Меньшиков и Лесков отговаривали ехать: «и Гайдебуров Павел себе чести сбавил». После прочтения корреспонденции «Русская эскадра в Тулоне» в газете «Русские ведомости» (1893, № 291 от 22 октября) Толстой, возмущенный «океаном глупости» по поводу этих торжеств, и начал писать «статью-протест». В ней Толстой вскрывает истинный смысл франко-русских военных торжеств. Прочитывая урапатриотические высказывания газет «Новое время» и «Сельский вестник»: «...восторг толпы граничил с бредом», «событие всемирное, изумительное, трогающее до слез», Толстой замечает, что в газетах сообщались не только тосты, но и «меню обедов, с пирожками и закусками, которые потреблялись на обедах», а в английской газете «было перечисление всех тех пьяных напитков, которые были поглощены во время этих празднеств».

Прямые ссылки на газеты содержит толстовская статья «Патриотизм или мир?» Тракат «Что такое искусство?» начинается предложением: «Возьмите какую бы то ни было газету нашего времени, и во всякой вы найдете...» Именно с обзора одного из номеров газеты «Русские ведомости» начинается статья «Наука и искусство».

Неслучайно результатом заинтересованного прочтения прессы стала написанная за год до смерти писателя небольшая статья «Номер газеты», замысел которой возник у писателя еще в конце 1880-х годов: «Уже давно эта мысль приходит мне: написать обзор одного номера с определением значения каждой статьи...» Газета «Слово» от 16 января 1909 года сохранилась в Музее Л.Н. Толстого с пометами, сделанными его рукой. Писатель вдумчиво, с карандашом читает статью за статьей: отчеркнуты кое-какие места в передовой статье и некоторых сообщениях, цифрами отмечены заголовки отдельных статей. «Вчера, при чтении газеты, — отметил Толстой в начале статьи, — бессмысленность нашей жизни особенно ярко и живо поразила меня». Писатель с горечью говорит о массовом гипнозе, в котором держат миллионы людей, о том, что они «беспрекословно исполняют то, что от них потребуются», потому что «потеряли сознание своего духовного “я”, сознание своего человеческого достоинства».

Оценку журналов или разбор их отдельных номеров находим во многих письмах писателя. В корреспонденции от 8 ноября 1895 года, адресованном издательнице «Северного вестника» Л. Гуревич, Толстой пишет: «Очень желаю быть вам полезным, потому что журнал

ваш мне все больше и больше нравится». Затем он анализирует ноябрьский номер журнала «Северный вестник»: «Последний № прекрасно составлен, за исключением невозможной неряшливой бессмыслицы Соллогуба и Вагнера столь же неряшливой статьи. Семенова рассказ — прекрасен». (Неодобрительный отзыв Толстого вызвал роман Ф. Соллогуба «Тяжелые сны» и рассказа писателя Н.П. Вагнера).

Интересен отзыв Толстого о либерально-буржуазном журнале «Освобождение», издававшемся П.Б. Струве в Штутгарте с 1902 года, и журнале легальных марксистов «Жизнь» под редакцией В.А. Поссе: «Получил “Освобождение” Струве и новую “Жизнь”. Первое очень недурно. “Жизнь” же, к сожалению, совсем не удовлетворила меня. Не говоря о несерьезности тона, главный недостаток — это нелепое, ничем не оправданное предрешение хода человеческой жизни, долженствующее будто бы неизбежно выразиться в социализме. Материала интересного там очень много. Я говорю о перечне стачек и политических наказаний и ссылок. Но в общем я не могу себе представить читателя этого журнала и того влияния, которое он может иметь» (72: 109).

В письме (26 января 1909 г.) к И.И. Перперу, издателю кишиневского журнала «Вегетарианское обозрение», Толстой хвалил «прекрасно» составленный первый номер журнала и обещал «сотрудничать в нем, если будет случай» (79: 46). Высоко оценил Толстой журнал «Долой оружие», издававшийся писательницей (к одноименному роману которой он написал предисловие) Бертой фон Зутнер: «Преинтересный и прекрасно ведомый журнал, который надо выписать и которым надо пользоваться» (84: 202).

Во многих письмах мы находим отзывы писателя об отдельных статьях. Прочитав в журнале «Русское богатство» статью Л. Оболенского «Научные основания учения любви», он написал автору: «Ваша статья... доставила мне большую радость, и я очень благодарю Вас за нее. Она, во-первых, отлично написана — ясно, кратко и горячо...» (65: 328). «Очень хорошей» назвал Толстой переделку М.К. Цебриковой эпизода из романа Золя, изданного «Посредником» в 1886 году под названием «Жервеза. Рассказы из жизни рабочего люда». Опубликованная в газете «Русь» (1906) корреспонденция вызвала поучительную критику писателя: «Дурно написано. Такие ужасные факты излагает со своими эпитетами, пояснениями, выводами. Они только ослабляют впечатление. Надо читателю самому предоставить делать эти выводы». Надо отметить, что многие газетные статьи Толстой оценивал как поверхностные, замечая, что автор «пишет напыщенно, без всяких доказательств».

В письме Страхову Толстым дан отзыв о статьях В. Розанова: «Можно быть даровитым, можно кончить курс в Московском уни-

верситете, переводить Аристотеля, писать о Достоевском и т.д. И не иметь самых элементарных понятий о праве и религии, остаться малым ребенком в самых существенных вопросах. Обо всем слегка, выпренно, необдуманно, фальшиво возбужденно и с самодовольством ретроградно». (66: 367).

Из переписки Толстого видно, насколько большое значение Толстой придавал тону изложения материала. По поводу оскорбительных статей В. Буренина в «Новом времени» против С. Надсона писатель говорит об ответственности журналиста в случае «неосторожности обращения с оружием слова», легкомыслии, «последствия которого не обдуманы», или «нелюбви, злобы к человеку»¹⁵. Об этом Толстой беседовал с Н.А. Альмединген, издательницей детских и педагогических журналов «Родник», «Воспитание и обучение» и «Солнышко» в 1910 году.

И очень важное замечание об интонации статьи сделал Толстой в рецензии на понравившееся ему предисловие Черткова к сборнику «Студенческое движение» (1899): «Я изменил бы только несколько слов. В некоторых местах... я бы смягчил выражения. Статья по содержанию своему так сильна, что резкость выражений только ослабляет, подрывая доверие к спокойному беспристрастию автора» (88: 184). Но зачастую Толстой не шел на смягчение: «Смягчать, оговариваясь, нельзя. Это нарушает весь тон, а тон выражает чувство, а чувство заражает (чувство иногда негодования) больше, чем всякие доводы» (87: 11).

В письмах Толстого встречаются деликатные советы журналистам. Корреспонденту «Биржевых ведомостей» М. Майкову — как писать о голоде; В. Поссе — об умении в печати подать материал, факты: «...возьмите самое главное, самое нужное», дайте «справедливое их, но не тусклое освещение... Не бойтесь быть и субъективным, бойтесь только неискренности. Не упускайте мелочей, но и не нагромождайте их» (76, 301). Зачастую возникал своеобразный диалог о мастерстве публициста. Обсуждая трактат Толстого «Царство Божие внутри вас» (1893), Н.С. Лесков осторожно замечал: «Но только не пренебрегите и стилем. Тут это будет иметь большое значение. В “Царстве Божиим” и еще в последних вещах чувствуются дописки, сделанные на маржах и внесенные в текст “силом”. В Катехизисе, вероятно, этого не будет, ибо это вредит силе впечатления...»¹⁶.

По мнению Толстого, легальная русская пресса, выполняя роль «темнителей народного сознания», приглушала большие вопросы времени. Отсюда и толстовское неприятие газетного стиля — с его отвращением ко всякой искусственности, безликости, шаблонам

¹⁵ Литературное наследство. Т. 37—38. С. 241—242.

¹⁶ Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями. Т. 2. С. 324.

газетной фразеологии. Он писал в 1884 году: «Пусть будет язык Карамзина, Филарета, Аввакума, только не наш газетный». Толстого раздражали статьи журналистов, стремившихся к «звонкости» слога, или желанием поразить читателя «оригинальностью», «ученостью», без необходимости насыщавших статьи латинскими изречениями. В январе 1909 года, прочитав книгу Е.И. Лозинского «Итоги парламентаризма», Толстой отметил в дневнике ее основной недостаток: написана «слишком бойко газетно», хотя предмет «настолько важный, что требует самого серьезного, строгого отношения».

Та же мысль прослеживается в письме П.И. Бирюкову: «Язык надо бы по всем отделам держать в чистоте — не то чтобы он был однообразен, а напротив — чтобы не было того однообразного литературного языка, всегда прикрывающего пустоту... Если газетный язык будет в нашем журнале, то все пропало» (63: 286). Прочитав в «Северном вестнике» статьи ведущего критика журнала А.Л. Волынского, Толстой обратил внимание на свойственную его статьям «излишнюю цветистость» изложения.

Толстой высоко ценил мастерство журналиста, он даже заметил: «Журналисты умеют выбирать самое существенное и передавать его ясно, точно и коротко; это такое же искусство, как ораторство». И он доказал это своей публицистикой. Так, говоря о том, что хороший пример обладает силой заразительности, Толстой восклицает: «Как одна свеча зажигает другую, и одной свечей зажигаются тысячи, так и одно сердце зажигает другое, и зажигаются тысячи» — это один из «сквозных», излюбленных образов Толстого художника и публициста.

Толстой любил приводить герценовское определение государства (из «Письма к императору Александру II») — «Чингис-Хан с телеграфами», настойчиво доказывая опасность ужаснувшей Герцена возможности подобного государственного устройства. «И Чингис-Хан не только с телеграфами, но с конституцией, с двумя палатами, прессой, политическими партиями et tout le tremblement» (со всем присущим шумом), — предостерегал писатель в одной из своих последних статей «Пора понять» (1909).

Эта тревога писателя прозвучала и в ответном письме (1890 г.) к профессору государственного права Московского университета, известному публицисту Б.Н. Чичерину: «Недаром Герцен говорил о том, как ужасен бы был Чингис-хан с телеграфами, с железными дорогами, журналистикой. У нас это самое совершилось теперь. И более всего несоответствие это заметно — именно на журналистике...» Далее он подчеркивает: «В особенности поразила меня справедливость мысли о зловредном действии на общество развившейся журналистики нашего времени, конца XIX века, при формах правления XV-го» (65: 133).

Переписка Толстого с журналистами показывает, насколько широк был обсуждаемый ими круг проблем, и прежде всего связанных с профессией — литератора, журналиста. По письмам писателя можно проследить, какое огромное значение он придавал свободному выражению общественного мнения. Он считал, что ни одно правительство не может быть прочным и всесильным без поддержки общественного мнения, поэтому и затрачивает столько усилий на его формирование. «Власть правительства держится теперь уже давно на том, что называется общественным мнением... Правительства посредством всех своих органов, чиновников, суда, школы, церкви, прессы даже, всегда могут поддержать то общественное мнение, которое им нужно», — утверждал Толстой в статье 1894 года «Христианство и патриотизм» (39: 71).

Недаром писатель обращался к издателям с настойчивым требованием «по-герценовски, по-журнальному, писать о современных событиях...».

Письма журналистов к писателю показывают, как много значило для них «авторитетное слово» Льва Толстого. В начале XX столетия литераторы с гордостью увидели в нем великого писателя и своего авторитетного коллегу. В 1902—1903 годы, когда русская печать отмечала свой 200-летний юбилей, многочисленные публикации в прессе были связаны с именем Льва Толстого. Лидер позднего народничества Н.К. Михайловский увидел в писателе «живой, воплощенный в плоть и кровь символ достоинства печатного слова», вслед за ним на страницах «Русского богатства» и «Русских ведомостей» В.Г. Короленко утверждал, что Толстой «поднял печатное слово на недосягаемую высоту» [Лев Толстой и русская печать..., 2003].

Их младший современник М. Лемке, автор книги «Думы журналиста», будущий авторитетный историк русской цензуры, в недавно опубликованном письме к Толстому 1902 года, заявил: «Вы <...> наш, журналистов, старший товарищ, старейшина. Одно сознание: “Да, ведь, я по профессии товарищ Толстого” — я убежден, спасло не одного журналиста от нравственного падения» [Петровицкая, 2002, с. 142].

Литературно-общественная публицистическая деятельность Толстого служила нравственным ориентиром для всего русского общества.

В архиве писателя хранятся адресованные Толстому письма иностранных и русских писателей и журналистов, корреспондентов различных периодических изданий, которые до сих пор остаются по большей части неопубликованными. А двусторонняя переписка — Толстого и его современников-журналистов — позволила более полно и многогранно представить читателю их диалог.

Сегодня возникла настоятельная потребность опубликовать и исследовать переписку Льва Толстого с русскими и иностранными писателями, журналистами и издателями. Трудно переоценить значение этого источника для плодотворного изучения многоаспектной темы: Лев Толстой и литературный процесс, журналистика его эпохи.

Список литературы

Лев Толстой и русская печать 1902—1903 гг. / Сост., вступит. ст., коммент. И.В. Петровицкой. М., 2003.

Петровицкая И.В. Неизвестные письма журналистов к Толстому // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 1988. № 4.

Петровицкая И.В. 200-летний юбилей печати и два юбилея Л. Толстого // Из века в век. Из истории русской журналистики. 1702—2002 / Под ред. Б.И. Есина. М., 2002.

Поступила в редакцию
10.11.2011